

07-08-2015 02:33:00

Декларация о приходах

РПЦ с политического благословения ведет кампанию по захвату имущества российских музеев

Захват «Храмовой горы»

«Решение мое окончательное. Оно пересматриваться не будет», — так отвечал адмирал-губернатор Севастополя Сергей Меняйло на все доводы ученых Национального заповедника «Херсонес Таврический». 28 июля, аккурат на 1000-летие со дня преставления св. князя Владимира, крестившегося в Херсонесе, губернатор незаконно, по мнению многих, назначил севастопольского благочинного о. Сергея Халюту генеральным директором заповедника. «Херсонес» — единственный в Крыму объект, внесенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. О. Сергей — протоиерей со спорной репутацией, имеющий среднее медицинское образование и окончивший заочно духовные семинарию с академией. Коллектив «Херсонеса» предупредил губернатора о своем безоговорочном неприятии Халюты и готовности бастовать.

У заповедника традиционно сложные отношения с Севастопольским благочинием Московского патриархата. Еще в XVIII в., сразу после присоединения Крыма к России, Екатерина II оградила развалины античного города от монастырских посягательств. После революции уже музейщики отстояли фундаменты храма, на которых затем украинское государство воссоздало Свято-Владимирский собор. В 1990-е Украинская православная церковь Московского патриархата организовала в Херсонесе монастырь, но скандальное поведение его наместника и насельников, урон, нанесенный ими античным памятникам, привели к тому, что сама же церковь монастырь закрыла. Ныне в соборе на территории заповедника служит о. Сергей, который по совместительству (как благочинный) руководит всеми вообще храмами города. Он давно жаловался на доминирование музейщиков — они не дали заложить плиткой территорию вокруг собора, на которой много археологических раскопов. Слова В.В. Путина из его прошлогоднего послания Федеральному собранию о том, что Херсонес для россиян то же самое, что Храмовая гора для евреев, были восприняты как Высочайшее благословение на «воцерковление» Херсонеса. А 1 августа нынешнего года, переведя Херсонес в статус федерального памятника, Путин как бы юридически подтвердил свою красивую фразу. Почему бы теперь не провозгласить всю территорию заповедника монастырем, а лучше — лаврой? Раз это «Храмовая гора», на ней должно быть много храмов.

Губернатор Меняйло на корню пресек демократические поползновения со стороны ученых: «Вы хотите прийти к тому, как в одном из сопредельных государств: «утверждаем — не утверждаем». Такого не будет!» Россия, дал понять он, — авторитарное государство, тут все решает начальник, который подотчетен только своему начальнику. «Мы ваши избиратели, мы граждане», — пытались лепетать ученые, еще не избавившиеся от гнилых пережитков. «Я вам неподотчетен», — отрезал адмирал-губернатор.

Последний диалог окрасил дискуссию в ярко выраженную политическую (если не геополитическую) тональность. «Вы подрываете авторитет России! <...> Это назначение — подарок Украине... Во времена Украины такого не было!» — кричали наперебой ученые. Один почтенный профессор заметил, что подобного в истории Херсонеса не было, это какое-то «новое средневековье». В ходе дискуссии конфликт интересов был налицо: разговор шел в музейном зале, где исторически был храм Корсунской Богоматери. «Здесь останется музей или будет храм?» — благочинный-директор с фельдшерским образованием невнятно помотал головой.

Губернатор Меняйло, чье сознание и психология сформированы службой на военно-морском флоте, вероятно, не освоил всех неовизантийских премудростей Кремлевского двора. Он согласовал кандидатуру своего любимого батюшки с Министерством культуры и патриархией, но как только коллектив заповедника [«пошел на принцип»](#), оба ведомства отrekliсь от согласований, и губернатор оказался как бы лжецом и клеветником. Вместе с тем и снимать Халюту, несмотря на протесты уже всего культурно-научного сообщества России, вплоть до совета Минобрнауки, Москва не спешит. Патриархия тоже не наказывала своего протоиерея, нарушившего 6-е и 81-е Апостольские правила (об извержении клириков, принявших на себя «мирские попечения» или «народное управление»).

Все-таки Севастополь — место особое для российской политической системы. Протест коллектива заповедника «Херсонес» довольно быстро возымел действие: под давлением министра культуры РФ протоиерей Сергей Халюта 6 августа [ушел](#) в отставку.

«Горячие» точки

Пререкаясь с учеными, губернатор Меняйло ссылался на «позитивный опыт» Соловецких островов — тоже объекта ЮНЕСКО, где еще в 2010 году новоназначенный наместник монастыря РПЦ МП архимандрит Порфирий (Шутов) стал директором музея-заповедника. Свою деятельность директор-архимандрит начал тогда с подписания самим собой в двух лицах актов о передаче монастырю огромного количества музейных ценностей. Эти акты явно противоречили закону, но оспаривать их никто не посмел, и бывшие музейные реликвии растворились в безбрежном монастырском хозяйстве. Назначение Порфирия также вызвало волнения на Соловках, но критической массы протест не набрал, поскольку монастырь там действительно «градообразующее предприятие». Музей на Соловках пока окончательно не закрыт, но монастырь (поддерживаемый архангельскими и отчасти федеральными чиновниками) постоянно ставит вопрос о выселении с островов мирского населения и о передаче архипелага под полный контроль РПЦ МП. Под это дело, в соответствии с

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

призывами патриарха Кирилла, музей будет перепрофилирован в Церковно-научный центр по увековечению памяти новомучеников (на Соловках в 1930-х гг. сидел дед патриарха).

Классические примеры полного вытеснения музеев структурами РПЦ МП в последние годы — это Ипатьевский монастырь в Костроме, Рязанский кремль, Новодевичий монастырь в Москве, который и вовсе был филиалом Государственного Исторического музея и объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Более того, передача этого монастыря патриархии сопровождалась разбазариванием музейной коллекции (а по закону музейный фонд в РФ неделим!) руками самого президента, передавшего РПЦ МП древний список Иверской иконы Божией Матери. Есть десятки более «мелких» примеров — это множество действующих монастырей РПЦ МП, где до передачи обителей церкви также работали музеи. На эти рядовые примеры вообще не принято обращать внимание: здания передаются церкви, то музеи, естественно, закрываются.

Первым «полем битвы» между музеем и РПЦ МП стал Ипатьевский монастырь, куда церковная община заселилась в начале 1990-х на правах совместного пользования, а затем, в 2004 году, словно кукушонок, выкинула из монастыря музей. Он оказался на улице, потом ему передали бывший вытрезвитель и сейчас мало кто из туристов знает об этом музее. Монастырское же начальство взимает деньги за посещение экспозиционных помещений, оставшихся от прежних хозяев.

Настоящий «холивор» (как сейчас принято выражаться) разгорелся вокруг Рязанского кремля — вообще-то, светского памятника, на территории которого, конечно, расположен ряд храмов, где РПЦ МП давно и беспрепятственно служит. Но в середине нулевых она потребовала себе архитектурный комплекс целиком и безоговорочно. Работники музея-заповедника перешли на осадное положение. Из Москвы сыпались противоречивые приказы: то об окончательном изгнании музея, то об отсрочке этого решения. Прошел ряд, в общем-то, безрезультативных судебных процессов. Сейчас в Рязанском кремле установилось хрупкое равновесие: более половины зданий забрала себе РПЦ, часть используется совместно, но кое-где сохранились музейные экспозиции и фонды.

Если Исторический музей в Москве благодаря активному участию в деле лично президента РФ довольно безболезненно расстался с Новодевичьим монастырем, то Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» в Санкт-Петербурге категорически не намерен передавать РПЦ МП принадлежащие музею собственно Исаакиевский собор, храм Спаса на Крови и Сампсониевский собор. Соответствующее требование [выдвинула](#) в июне Санкт-Петербургская епархия РПЦ МП, которую возглавил земляк патриарха, бывший митрополит Саранский Варсонофий, вызывающий откровенное раздражение как у руководства города, так и у старого петербургского духовенства. Совершенно не учитывая нюансов отношений в культурной столице и сложившихся здесь старинных церковных традиций, «мордовский медведь» (как называют митрополита между собой священники) попытался сразу взять быка за рога. На ключевые посты — в кафедральный собор, в тот же Исаакиевский (где, снова заметим, никто не мешает РПЦ МП проводить свои службы) — Варсонофий назначает своих молодых помощников из Мордовии, ведущих себя дерзко по отношению к старому, «коренному» духовенству. «Этот город пережил блокаду и, надеюсь, переживет и вас», — бросает Варсонофию во всеуслышание на пасхальном приеме директор «Исаакиевского собора» Николай Буров, бывший глава городского комитета по культуре. За удовлетворение посягательств митрополита на главные символы города на Неве выступил Совет Федерации, хотя лично Валентина Матвиенко не одобряет деятельность Варсонофия. Как и губернатор Георгий Полтавченко. Противостояние приобрело такую остроту, что без вмешательства сакральной особы президента этот конфликт не имеет разрешения.

Закон замедленного действия

Когда «бешеный принтер» на Охотном Ряду еще только проходил пусконаладочные испытания, в 2010 году был принят закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Вступив в противоречие с другими законами — например, «О музейном фонде и музеях» или «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», — этот новый закон создал постоянно действующее поле конфликта. Ну, посудите сами: по законам о музеях и культурном наследии музейные коллекции неделимы и неприкосновенны. А по новому закону из музейных коллекций можно изымать предметы религиозного назначения и передавать их из государственной в церковную собственность. Или, скажем, закон о культурном наследии гарантирует всем россиянам равный доступ ко всем культурным ценностям, а

вот религиозная организация, если ценность передана ей, вправе ограничить такой доступ, согласно своим каноническим установлениям, например, положить антиминс (*плат из шелковой или льняной материи со вышитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика. — Ред.*) на престол в алтаре, закрыть его и никого к нему не пускать. Переходя в церковную собственность, какой-то храм или монастырский комплекс становятся закрытыми для свободного посещения; в монастырях повадились выгораживать небольшие площадки для свободного посещения, а на основную территорию «посторонних» не пускать, брать деньги за разрешение на фото. Скажем, в Богоявленско-Анастасином монастыре Костромы вообще невозможно ступить на монастырскую землю — доступна только крытая галерея от колокольни до храма. В общем, режим перманентной войны между музеями и церковью установлен в РФ законом, и пока этот закон не изменен, война неизбежна.

Трудно не вспомнить свежий конфликт между религиозными организациями с участием «воцерковившихся» властей, который порожден тем же законом. Более 25 лет назад мощи преподобных Евфимия и Евфросинии Суздальских были переданы из музея суздальской православной общины, которая вскоре вышла из Московского патриархата (ныне это Российская православная автономная церковь). Более трех лет (с января 2012 года) эти мощи у верующих отбирало, и в конце концов отобрало, Росимущество, которое тут же, со ссылкой на закон о передаче имущества религиозного назначения, отдало их РПЦ МП. Но ведь Автономная церковь, по закону, такая же религиозная организация, как РПЦ МП, а значит, имеет такие же права на передачу ей мощей, тем более что она добросовестно хранила их четверть века. Отобранные мощи преподобного Евфимия, как ни кощунственно это прозвучит, РПЦ МП хотела использовать как таран для захвата Спасо-Евфимиева монастыря (места погребения Дмитрия Пожарского), где сейчас музей. Однако музей не поддался, мощи не пустил, и отобранная у верующих святыня оказалась «бесхозной» — ее отправили в отдаленный Александровский монастырь Суздаля, малоизвестный туристам.

Передача «имущества религиозного назначения» церкви, как правило, приводит к полному прекращению контроля над ним со стороны органов по охране культуры. В иерархической лестнице современной России эти органы значительно уступают по своим аппаратным возможностям Московской патриархии. Иногда они пытаются запретить какие-то перестройки и переделки, сохранить исходный вид памятников, но в монастырях их не слушают, бесконечно воспроизводя аляпистый стиль «под евроремонт», уродуя древнейшие соборы пластиковыми окнами, закрашивая белокаменные стены. С приходом патриарха Кирилла в РПЦ МП стал доминировать его вкус, и многие монастыри теперь трудно отличить друг от друга — всюду стандартный «евроремонт». Безграмотность «архитектурных решений» приводит к потере памятников для визуального восприятия — как, например, в Москве, на Покровской заставе, где монастырь «блаженной Матронушки» застроил безвкусным трехэтажным новоделом площадь, с которой открывался вид на монастырь. Теперь вида на монастырь нет вообще, лишь маковки церковей или колоколен можно кое-как разглядеть. Это преступление против исторического облика Москвы. Но наказывать за такие преступления некому.

Прекращение войны: дорожная карта

Какие выходы из сложившегося положения предлагают конфликтующие стороны? Московская патриархия сейчас не особенно склонна что-либо предлагать, считая, что она «в своем праве» и не должна ни перед кем отчитываться. Единственная идея, предложенная ею на «музейном фронте» за последнее время, — это идея воссоздания церковных древлехранилищ, существовавших в дореволюционной Российской церкви и совмещавших функции церковных архивов и музеев. Суть идеи в том, что РПЦ МП не просто разоряет светские музейные фонды, а переводит их из государственного на церковное хранение: дескать, что нужно, возьмем для богослужения или личного употребления, а что не нужно — выставим в музее, но своем. Лукавство этой идеи в том, что в дореволюционной России Церковь была государственным учреждением, и ее имущество принадлежало государству — в тех условиях древлехранилища были зародышами настоящих музеев, они выносили церковные ценности из ризниц и алтарей, представляя их на свободное обозрение народу. Нынешние древлехранилища прикрывают изъятие ценностей из музеев и предоставляют народу доступ к незначительной части изъятого.

Со стороны музейного сообщества чаще всего звучат такие варианты. Во-первых, необходимо приостановить действие закона 2010 года и привести его в соответствие с другими законами. Во-вторых, как следствие, передавать религиозным организациям памятники не в собственность, а в совместное пользование с музеями. Если церковь, как заявляет ее «министр культуры» о. Тихон (Шевкунов), действительно не против культуры, она должна быть только рада активному участию профессионалов в сохранении и реставрации святынь. В-третьих, уже сформированный музейный фонд не должен ни в коем случае разделяться — внесенные в него предметы могут выдаваться религиозным организациям лишь на время, под охранные обязательства и под контролем музейных работников. Вакханалия безответственности религиозных организаций (точнее, одной из них) должна прекратиться.

Добавим к этим трем пунктам еще одно важное пожелание — отмену введенного законом 1997 года о свободе совести принципа деления религиозных организаций на централизованные и местные, которые вынуждены входить в состав централизованных. Этот принцип ведет к тому, что местные организации, которым передаются памятники и музейные ценности, делегируют свои права собственности Московской патриархии. А та отказывается нести прямую ответственность за сохранность ценностей, поскольку формально они передавались не ей. Такая практика размывает всякую ответственность, и если даже государство когда-нибудь возьмется за охрану памятников истории и культуры, переданных церкви, оно элементарно не сможет найти виновных в нанесенном им ущербе.

Я верю, что мирное сосуществование религиозных организаций и музеев возможно. Равно как возможны независимые судебная система, СМИ, ответственное гражданское общество, реальное отделение от государства религиозных организаций и их равноправие. Но пока ничего этого в стране не просматривается, гармонизировать отношения музеев и РПЦ МП невозможно, и будет продолжаться война. В нынешней политической парадигме возможны лишь крайности, под настроение «правителя»: перетекание музейных

ценностей церкви, если вождь ей благоволит, или обратный процесс, если патриарх (что не так уж сложно представить) лишается доверия президента. Это очень архаичная, доправовая модель, но, как считают в Кремле, «понятная народу». Боюсь только, обратный процесс, после «утраты доверия», будет гораздо более скудным — по объективным причинам.

Автор: Александр Солдатов

Постоянный адрес страницы: <http://www.novayagazeta.ru/politics/69460.html>